

Азербайджанские иррегулярные воинские части российской армии в XIX столетии

Почетное знамя конницы Кенгерли. Национальный музей истории Азербайджана. Фонд оружия и знамен (НМИА ФОЗ)

В военной истории Азербайджана особое место занимают иррегулярные части, которые формировались в XIX столетии после захвата региона Россией из азербайджанцев, или, как их называли в

России, из закавказских мусульман (закавказских татар). Иррегулярные войска – это «**войска, не имеющие правильного военного устройства и не проходящие курса правильного военного обу-**

Боевое знамя 4-го конно-мусульманского полка. НМИА ФОЗ

Фрагмент почетного знамени 3-го конно-мусульманского полка. НМИА ФОЗ

чения и воспитания». В России до 1870-х годов к иррегулярным войскам причислялись казаки и милиция, а затем казаки были выделены в особую категорию войск, и **к иррегулярным войскам стали относить только милицию, выставляемую местным населением на Кавказе и в Закаспийской области** (например, Дагестанский конный полк, Кубанская, Терская, Дагестанская, Карсская и Батумская милиции, Туркестанский конно-иррегулярный дивизион).

Формирования милиции несли преимущественно местную службу, не имея постоянной и единообразной организации. **Главное отличие их от регулярных войск состояло в том, что иррегулярные части комплектовались из добро-**

вольцев, не обязанных нести воинскую службу (1, с. 346). Такие добровольцы имели ряд привилегий перед своими соплеменниками. Они получали жалование и освобождались от податей, при отличии на войне награждались медалями, орденами и воинскими званиями, что давало им право на пенсию, ношение мундира в отставке, и даже получение российского дворянства, после отставки могли служить в колониальных административных органах. Их дети имели право на обучение в военных учебных заведениях. Такой политикой морального и материального стимулирования российская администрация смогла привлечь на свою сторону значительную часть феодальной верхушки и часть крестьянства на Кавказе (2, с. 69).

Портрет Гасан бека Агаларова в мундире Закавказского конно-мусульманского полка. Варшава, 1856 год, Художник К.К.Каневский. НМИА. Фонд изобразительного искусства

Первые иррегулярные полки, сформированные из азербайджанцев, появились в России в самом начале царствования императора Николая I (1825–1855 гг.). Но еще до этого **воинские формирования из азербайджанских владений активно использовались российским коман-**

дованием как при завоевании Кавказа, так и 1-й русско-иранской войны 1804–1813 гг. и русско-турецкой войны 1806–1812 гг. По подсчетам азербайджанского советского историка Хаджи Мурата Ибрагимбейли, «в русско-иранской войне 1804–1813 гг. в составе русской армии самостоя-

тельно приняли участие около 10 тыс. конных и около 12 тыс. пеших ополченцев-азербайджанцев... В русско-турецкой войне 1806–1812 гг. приняли участие азербайджанские иррегулярные конные формирования численностью 3700 воинов» (3, с. 150). **В период русско-турецкой войны 1828–1829 гг. главнокомандующим Отдельным Кавказским корпусом генерал-адъютантом графом Паскевичем-Эриванским были сформированы из жителей закавказских мусульманских провинций, т.е. бывших азербайджанских ханств, четыре мусульманских конных полка и отдельная часть под названием «конница Кенгерлы», которая вместе с дивизионом черноморских казаков вошла в состав сводного конного полка (4, с. 18; 5, с. 74, 118).**

В наборе конных мусульманских полков были заинтересованы как военное командование на Кавказе, так и Главный штаб русских войск. 29 марта 1829 г. главноуправляющий в Грузии генерал-адъютант граф Паскевич-Эриванский доносил начальнику Главного штаба: «Для увеличения... числа кавалерии при действующих войсках... назначил сформировать четыре... полка из татар (т.е. азербайджанцев – Э.И.) дистанций, принадлежавших к Грузии, и провинций: Карабахской, Ширванской, Шекинской и Армянской области, присовокупляя, что полки сии будут казне гораздо менее стоить, чем содержание казаков, ибо они в полном составе будут только на время военных действий» (3, с. 233). **Указанные полки были сформированы по территориальному признаку: 1-й конно-мусуль-**

Боевое знамя 3-го конно-мусульманского полка. НМИА ФОЗ

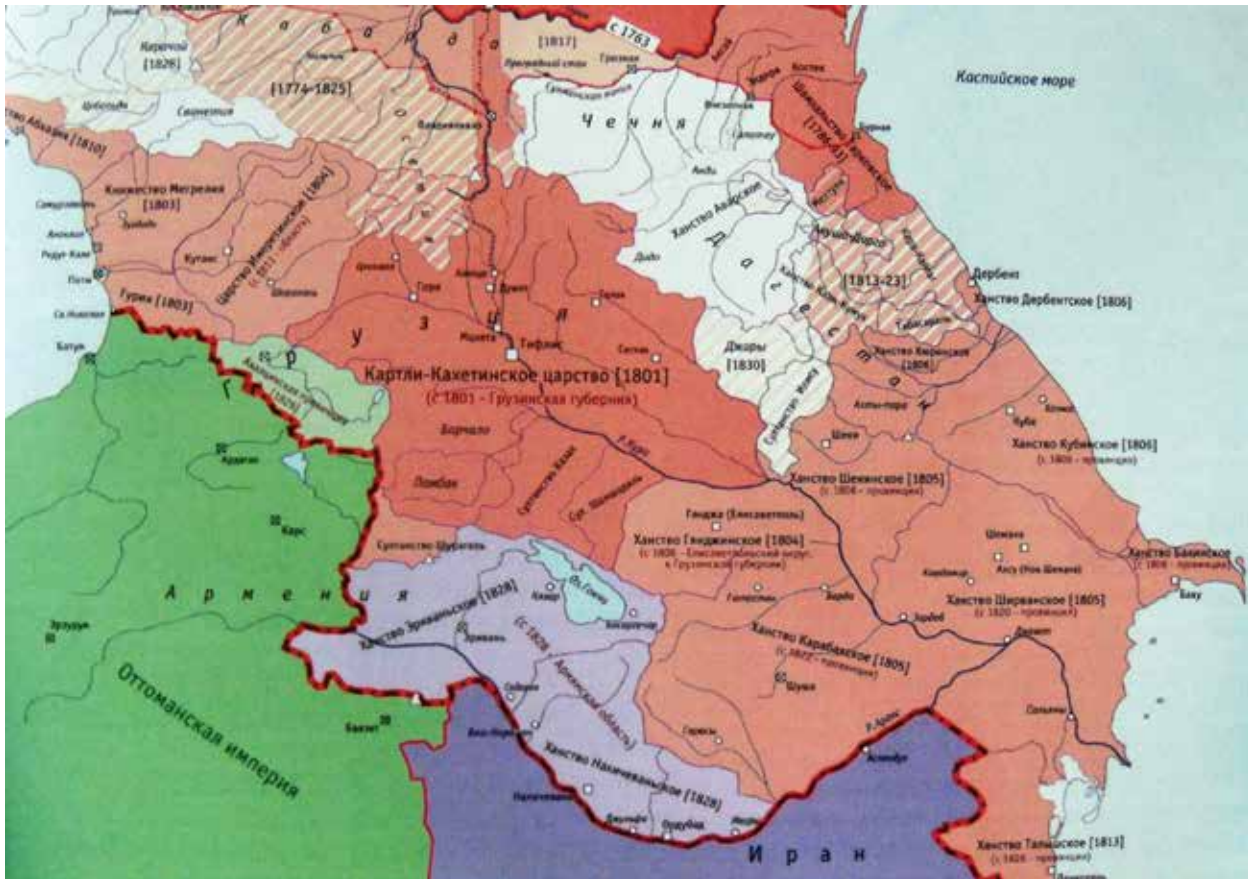

Почетное знамя 1-го конно-мусульманского полка. НМИА ФЗО

манский полк из жителей Карабахской провинции; 2-й – из жителей Шекинской и Ширванской провинций (бывшие одноименные ханства); 3-й – из жителей Елисаветпольского округа (бывшее Гянджинское ханство) и «татарских» дистанций: Борчалинской, Казахской и Шамшадильской (бывшие одноименные султанства); 4-й – из жителей так называемой Армянской области (бывшие Эриванское и Нахчыванское ханства); 250 бойцов конницы Кенгерлы набирались из жителей бывшего Нахчыванского ханства (4, с. 18). Командирами конных мусульманских полков назначались русские штаб- и обер-офицеры, а помощниками к ним - «беки из самых лучших и богатейших фамилий, имеющие

чины офицерские, как равно и сотенные начальники из таковых же назначались» (6, с. 379). Так, гражданский губернатор Грузии в предписании главным приставам азербайджанских дистанций, сообщая о предстоящем формировании 3-го конно-мусульманского полка, указывал, что «500 всадников предоставляется набрать в следующем числе: помощник полкового командира из самой почетнейшей агаларской, бекской или ханской фамилии, пять султанов для командования сотнями и пять наибов в помощь им также из лучших агаларских, бекских фамилий. Десять векилей или урядников из расторопнейших юзбашей и кетхудов». Этот же принцип организационной структуры был приме-

Фрагмент карты "1774-1829: первый этап присоединения Кавказа к России" (по А.Цуциеву)

нен при формировании и остальных полков. Каждый конно-мусульманский полк был пятисотенного состава, в каждой сотне было по одному султану, по одному наибу и по два векиля (3, с. 231-232).

Из войск действующего русского корпуса на турецкой границе «особенное внимание обращали на себя четыре конно-мусульманские полка, сформированные по мысли Паскевича...» – писал в своем труде «Кавказская война» В.А.Потто. – Все эти полки сохраняли национальный костюм и отличались друг от друга только суконными звездами, нашитыми на их высоких остроконечных папах: у первого полка они были красные, у второго – белые, у третьего – желтые, у четвертого – голубые. Такого же цвета были и полковые знамена, богато украшенные гербами Российской империи. Командовали полками русские офицеры, а сотнями – беки или почетные агалары. Эти офицеры-азиаты с бородами, в длиннополых чохах, в папах, в эполетах и шарфах – представляли непривычному глазу весьма оригинальное зрелище. Но в общем полки являли собою превосходный вид: всадники были опрятно и красиво одеты, отлично вооружены и, кроме третьего полка, сидели на кровных

жеребцах карабахской породы... Перед этой легкой, подвижной и развязной мусульманской конницей драгуны и уланы казались тяжелыми и неповоротливыми» (7, с. 270; 8, с. 391).

О том, как сражались азербайджанские конно-мусульманские полки и конница Кенгерлы, свидетельствуют многочисленные документы и воспоминания очевидцев. «Полки сии собрались к назначенному времени, получили некоторое начало регулярного образования, выступили весной в поход, служили хорошо и были грозой для Турок, совершая победы, одерживаемые нашими войсками в преследовании бегущего неприятеля, на коего набегали с удивительною быстротою, и чего прежде Турки никогда не видали, будучи разбиты нами, они не находили покоя в бегстве своем и поражались с конца на расстоянии 30 или более верст, теряя обозы свои, вьюки и множество пленных». Так писал в автобиографических записках Н.Н.Муравьев, который в период русско-турецкой войны 1828–1829 гг. командовал Кавказской гренадерской бригадой и в отряде которого постоянно находился 3-й конно-мусульманский полк (6, с. 380).

Очевидец Саганлугского сражения, **русский писатель и публицист П.П.Зубов** писал: «Надо видеть сии полки в сражении, чтобы судить о них: это молния, это огонь раздраженного Бога, упавший вдруг с неба в середину неприятеля и рассыпавший смерть и ужас. Я видел их 19-го июня 1829 года на высотах Саганлуга, в том знаменитом бое, где сам Сераскир Арзрумский и храбрый Гагки-Паша с 50 000 воинами не устояли против горстки Русских... и до сего времени с восторгом воспоминаю чудеса храбрости, совершенные перед моими глазами полками Мусульманскими...» (9, с. 91-92).

«Мусульманский полк, столь мужественно дравшийся в последнем деле, заслужил особенное внимание пред лицом всего Корпуса, – отмечал **Н.И. Ушаков**, автор двухтомной «Истории военных действий в Азиатской Турции в 1828 и 1829 годах», *Почетное знамя конницы Кенгерли. НМИА ФОЗ*

а в период войны 1828–1829 гг. состоявший при главнокомандующем Отдельным Кавказским корпусом в чине поручика. – Желая поощрить храбрых татар (т.е. азербайджанцев – Э.И.), главнокомандующий собрал вокруг себя беков и всадников, наиболее отличившихся, и в сопровождении их, предшествуемый отбитыми у неприятеля знаменами, возвратился в лагерь. Благосклонность эта с видимым удовольствием отражалась на грубых лицах Мусульман. Войска наши кричали “Ура!” этим новым товарищам» (5, с. 96).

В своем кавказском дневнике, переработанном и изданном в 1836 г. под названием «Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года», **А.С. Пушкин**, находившийся в действующем корпусе, также отмечал доблесть конно-мусульманских полков: «... Общество наше было разно-

Почетное знамя 1-го конно-мусульманского полка. НМИА ФОЗ

образно. В палатке Генерала Раевского собирались Беки Мусульманских полков; и беседа шла через переводчика... 17 июня утром услышали вновь мы перестрелку и через два часа увидели Карабахский полк возвращающимся с осмью Турецкими знаменами... 19-го... около шестого часу войска опять получили приказ идти на неприятеля... Первые в преследовании были наши Татарские полки (т.е. азербайджанские конно-мусульманские полки – Э.И.), коих лошади отличаются быстротою и силою...». Пушкину пришлось также быть свидетелем «необыкновенной картины»: «Под деревом лежал один из наших татарских беков, раненый смертельно. Подле него рыдал его любимец. Мулла, стоя на коленях, читал молитвы. Умирающий бек был чрезвычайно спо-

коен и неподвижно глядел на молодого своего друга» (10, с. 59-63, 65-66).

Главкомандующий Отдельным Кавказским корпусом **генерал-адъютант граф Паскевич-Эриванский в рапорте императору** от 23 июня 1829 г. отмечал: «...Имею счастье со всеподданническим поздравлением моим с сею знаменитою победою повергнуть к стопам В.И.В. 19 отбитых у неприятеля знамен. Не должен умолчать о похвальном усердии к В.И.В. находящихся со мною полков мусульманских. Службой их я совершенно доволен. Во всех сражениях они дрались отлично храбро, в атаках были всегда впереди, бросались даже мужественно и твердо на неприятельскую пехоту; большая часть пушек, знамен и пленных отбита ими» (11).

Обер-офицер команды лезгин СЕИВ конвоя. Художник В.Адам (по Д.А.Клочкову)

«Долгом считаю свидетельствовать пред В.И.В., – писал генерал-адъютант граф Паскевич-Эриванский в Петербург 23 сентября 1829 г., **докладывая императору об одержанной победе под крепостью Ольтиси**, – об отличной храбрости мусульманских полков, кои во всяком случае не престают являть новые опыты их усердия и привязанности к Российскому правительству. Мне весьма приятно видеть в них и сие стремление к приобретению внимания нашего начальства и сей дух мужества, кои удалось мне возбудить в них поощрениями и хорошим обхождением. Добытые ими

семь знамен и ключ крепости буду иметь счастье повергнуть к стопам В.И.В. вслед за сим» (12).

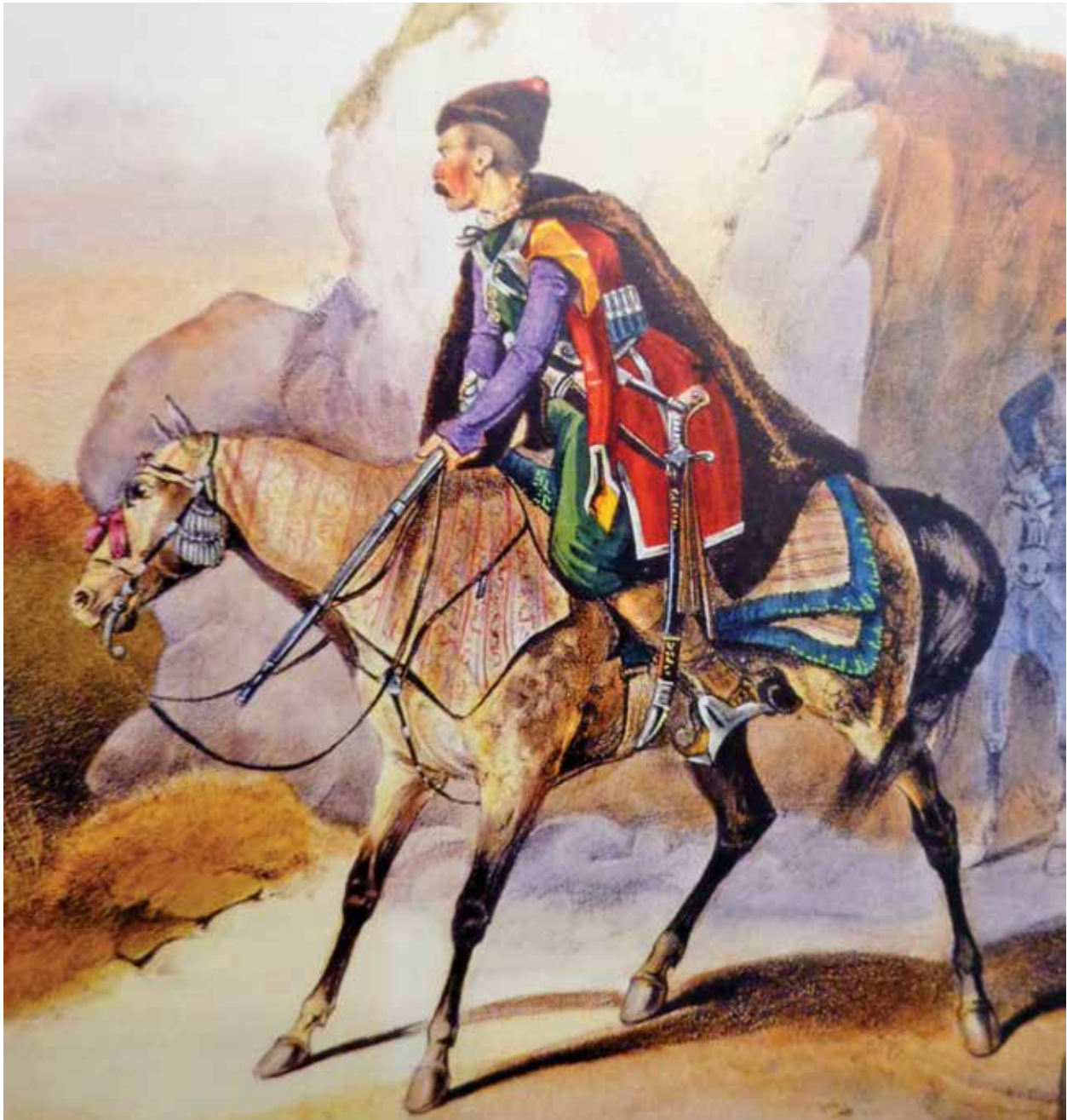
По окончании военных действий с Османской империей конно-мусульманские полки были распущены по домам. **Многие офицеры и всадники из азербайджанских конно-мусульманских полков и конницы Кенгерлы были награждены за храбрость и боевые отличия российскими орденами и медалями.** По подсчетам Х.М. Ибрагимбеили, за боевые отличия, проявленные только в сражениях под крепостью Ахалцых 5-го и 9 августа 1828 г., сорок семь офицеров-азербайджанцев

были награждены орденами Св. Анны 3-й ст., Владимира 4-й ст. и золотыми медалями на георгиевской ленте, а более двадцати всадников - знаками отличия Военного ордена Св. Георгия. За кампанию 1829 года, наряду со многими боевыми орденами и медалями, которыми были награждены офицеры азербайджанских конных полков, сто шестьдесят два рядовых всадника, по Х.М. Ибрагимбейли, были награждены Знаками отличия Военного ордена Св. Георгия, серебряными медалями с надписью «За храбрость», серебряными медалями на георгиевской ленте и другими наградами (3, с. 252-253).

Наряду с этим, командиры 1-го конно-мусульманского полка подполковник Усков и 2-го конно-мусульманского полка майор Кувшинников были награждены самым почетным военным орденом Российской империи – орденом Св. Георгия 4-й ст. (8, вып. III, с. 405; вып. IV, с. 608) 25 июня 1830 г. и 9 апреля 1831 г. соответственно (13, с. 116, 119).

26 октября 1830 г. император Николай I, «желая ознаменовать благоволение Свое» к конно-мусульманским полкам и коннице Кенгерлы, «с отличною

Оруженосец команды лезгин СЕИВ конвоя. Художник В.Адам (по Д.А.Клочкову)

*Закавказский мусульманин (азербайджанец).
Неизвестный художник*

храбростью и постоянным мужеством служившим в войне с Турцией», пожаловал им особые знамена с изображением российского герба и с сохранением в гербе изображения Св. Георгия; на древках же знамен вместо креста было помещено вензелевое имя императора. При этом почетное знамя 1-го конно-мусульманского полка было предписано хранить в г. Шуше «как знак Монаршего Нашего внимания к верности и заслугам жителей Карабахской провинции и Пессиянских куртин, составлявших 1-й Мусульманский полк»; почетное знамя 2-го конно-мусульманского полка было предписано хранить в г. Шамахе «как знак Монаршего Нашего внимания к верности и заслугам жителей Ширванской и Шекинской провинций, составлявших 2-й Мусульманский полк»; почетное знамя 3-го конно-мусульманского полка

было предписано хранить в г. Елизаветполе «как знак Монаршего Нашего внимания к верности и заслугам жителей Елизаветпольского округа и татарских провинций Казахской, Борчалинской и Шамшадильской, составлявших 3-й Мусульманский полк»; почетное знамя 4-го конно-мусульманского полка было предписано хранить в крепости Эривани «как знак Монаршего Нашего внимания к верности и заслугам жителей Армянской области, составлявших 4-й Мусульманский полк»; почетное знамя конницы Кенгерли было предписано хранить в г. Нахчыване «как знак Монаршего Нашего внимания к верности и заслугам жителей, составлявших конницу Кянгерлы» (4, с. 18-22).

Даровав знамена конно-мусульманским полкам и коннице Кенгерлы, император Николай I предполагал «иметь мусульманские полки если не постоянно собранными, то во всегдашней готовности к сбору». Учитывая военные успехи азербайджанских иррегулярных формирований в прошедшей турецкой кампании, в проекте о формировании и наборе в будущем конно-мусульманских полков было указано, что «татары (т.е. азербайджанцы – Э.И.) предпочтительно поступать должны в кон-

Татары (азербайджанцы) селения Крыз Кубинского уезда. Фото Д.Ермакова. НМИА ФДИ. ФДИ. Третий слева пожилой мужчина, судя по погонам и ордену, - предположительно ветеран конно-мусульманского полка

Мундир (чуха) и бешмет (архалык) офицера конно-мусульманского полка. Начало XIX века. Государственный исторический музей (Москва)

ницу». Конно-мусульманские полки должны были собираться только «в экстренном случае». **Личный состав конно-мусульманских полков в военное время должен был состоять на содержании правительства и в материальном обеспечении приравнивался к русским регулярным и казачьим полкам.** В период военных действий всадникам азербайджанских конных полков полагалось выплачивать по 15 рублей серебром, «а бекам, имеющим офицерские чины», – оклады, равные окладам офицеров Нижегородского драгунского полка. За границей предполагалось производить и рационы (14). ❀

Продолжение в следующем номере

Литература

1. Энциклопедический словарь. Издатели Ф.А.Брокгауз (Лейпциг), И.А.Ефрон (СПб.). Т. XIII. СПб., 1894
2. Санакоев М.П. Из истории кавказских национальных иррегулярных формирований (XVIII – нач. XX вв.). Цхинвал, 2008
3. Ибрагимбейли Х.М. Россия и Азербайджан в первой трети XIX века: из военно-политической истории. М., 1969
4. Гизетти А.Л. Сборник сведений о Георгиевских кавалерах и боевых знаках отличий Кавказ-

ских войск. Ч. II. Знаки отличий за боевые подвиги, пожалованные Кавказским войском. Тифлис, 1901

5. Ушаков Н.И. История военных действий в Азиатской Турции в 1828 и 1829 годах. Ч. 2. СПб., 1836; с. 74, 104

6. Из записок Николая Николаевича Муравьева-Карского // Русский архив. Кн. 3. М., 1894, с. 378–416 (с. 379)

7. Утверждение русского владычества на Кавказе: К столетию присоединения Грузии к России: 1801–1901. Под руководством Н.Н.Белявского / Под ред. В.А.Потто. Т. IV. Ч. II: Время Паскевича: Турецкая война: 1828–1829 / Сост. Б.П.Веселовзоров, В.А.Потто. Тифлис, 1908

8. Потто В.А. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. Т. IV: Турецкая война 1828–1829 гг. Вып. III. СПб., 1889

9. Шесть писем о Грузии и Кавказе, писанные в 1833 году Платоном Зубовым. М., 1834

10. Пушкин А.С. Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года // «Современник», т. I. СПб., 1836

11. Всеподданнейший рапорт гр. Паскевича от 23-го июня 1829 года // Акты Кавказской археографической комиссии (АКАК). Т. VII. Тифлис, 1878, с. 792–797. Док. №792

12. Всеподданнейший рапорт гр. Паскевича от 23-го сентября 1829 года // АКАК. Т. VII. Тифлис, 1878, с. 823–826. Док. №814

13. Степанов В.С., Григорович Н.И. В память столетнего юбилея Императорского Военного Ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия. (1769–1869). СПб., 1869

14. Рапорт полк. Миклашевского гр. Паскевичу от 4-го февраля 1830 года, №3 // АКАК. Т. VII. Тифлис, 1878, с. 426–427. Док. №372

The first part of the article refers to documentary and literary sources to provide a brief overview of the creation of irregular Azerbaijani military formations of the Russian army during the conquest of the Southern Caucasus by the Russian Empire. The author presents data on the participation of irregular cavalry units made up of residents of former Azerbaijani Khanates – four Muslim cavalry regiments and the Kangarli cavalry – in combat operations on the fronts of the Russian-Turkish war of 1828-1829, as well as Russian Empire awards of military units, officers and servicemen. The article also contains feedback of high-ranking Russian Empire officials, as well as A. S. Pushkin.